

— Как можно сравнивать приданое с законной женой? Приданое — это даже не наложница. Я лишь хотел, чтобы она всегда оставалась ниже тебя, но раз тебе это не по душе, я больше не стану об этом говорить.

Чу Цююнь обнимал Цзююэ, его голос звучал мягко, словно он успокаивал ребенка. Он и не подозревал, что собственнические чувства Цзююэ по отношению к браку столь сильны. Она оказалась совсем не похожа на других девушек этой эпохи. Впрочем, он был таким же. И это было просто замечательно.

— Тогда ты разделишь с ней ложе? — немного успокоившись, спросила Цзююэ.

Она знала, что разделение ложа — это человеческий акт совокупления. Она не хотела, чтобы Цююэ женился на другой, и уж тем более не желала, чтобы он был близок с кем-то еще. Если чем-то нужно делиться, то она предпочла бы вовсе не иметь этого.

— Кхе-кхе... — услышав это, Чу Цююнь чуть не захлебнулся собственной кровью. Он лишь решил, что Цзююэ по-прежнему остается ребенком, который ничего не понимает. — Я даже прикасаться к ней не хочу.

— Хи-хи... — Цзююэ, услышав это, наконец расплылась в улыбке, прижавшись к груди Чу Цююня.

Чу Цююнь обнимал ароматную и мягкую девушку, гадая, когда же наступит тот самый день. Тесть потребовал, чтобы он доказал свои намерения временем, но не может же он в самом деле просто ждать два года? Нужно что-то предпринять.

После того как помолвленные князь Чжао с невестой покинули дворец, император, похоже, утратил всякий интерес к происходящему, и странное собрание вскоре завершилось. Оно вновь заставило всех присутствующих убедиться в том, какой любовью император окружает князя Чжао, а по столице поползли новые слухи. Говорили, что князь Чжао на самом деле невероятно хорош собой, что божественный лекарь исцелил его недуг, что он вернется на поле борьбы за престол, а некоторые даже утверждали, что он может стать новым наследником.

Эти слухи, брошенные вскользь, упали на благодатную почву. Больше всего они взбудоражили принцев, особенно наследного принца, чье положение оказалось под прямой угрозой. Чу Линьтин был по-настоящему напуган: если Чу Цююнь действительно исцелился, то занять место престолонаследника для того не составит никакого труда. С самого детства он во всем уступал Чу Цююню — будь то талант или усердие, он всегда проигрывал ему несколько шагов. Если бы не тот факт, что его мать — императрица, а сам Чу Цююнь то и дело хворал, разве у него был бы хоть какой-то шанс?

Теперь ему срочно требовалась поддержка поместья канцлера. Линь Цзинью уже стала супругой князя Чжао, и если он не сможет взять в жены Линь Сычжэн, то партия канцлера окончательно переметнется на сторону Чу Цююня. Похоже, план придется ускорить. На празднике кюшуй люшан через несколько дней... ему придется действовать.

Ночью Чу Цююнь перемахнул через стену и, прекрасно зная дорогу, пробрался в сад Фэнхэ, где жила Цзююэ. В комнате девушка, закончив вечерние процедуры, в ароматном и мягком халате лежала на кровати, листая детскую книжку с картинками. Последние два дня она целыми днями гуляла, а по вечерам дома учила иероглифы и читала, так что теперь могла самостоятельно разбирать простые тексты.

Чу Цююнь, закончив государственные дела, всегда сопровождал Цзююэ в прогулках и обучал её всему, что она хотела узнать. Если днем не удавалось выкроить время, он приходил в поместье канцлера ночью, чтобы учить её грамоте, читать вслух и приносить забавные безделушки, чтобы порадовать её. Те золотые и серебряные украшения, к которым Цзююэ была равнодушна, он также с помпой присылал в поместье, сделав её предметом зависти всех девушек в округе.

— Цюцю! — увидев его, Цзююэ привычно протянула руки, просясь на ручки. Чу Цююнь сначала накинул на неё теплую накидку и только потом поднял с кровати.

— Куда мы идем? — с восторгом спросила она.

— Наверх, — ответил он и, обняв её, взмыл в воздух, легко приземлившись на крышу.

— Ух ты, как высоко! — воскликнула Цзююэ, оглядываясь по сторонам.

Цюцю говорил, что она больше не сможет практиковать внутреннюю энергию, а мастерство легких шагов освоит лишь на десятую часть.

— Осторожнее, — Чу Цююнь прижал к себе девушку, которая, уцепившись за черепицу, с любопытством смотрела вниз, боясь, что она упадет.

Цзююэ послушно села рядом с ним на коньке крыши, замороженно глядя на сверкающий Млечный Путь. Вдруг вдаль раздался свист, и в ночное небо, оставляя длинный хвост, взмыл огонек, который с грохотом разорвался, озарив всё вокруг разноцветными искрами. Вслед за первым залпом ввысь устремились другие фейерверки. В одно мгновение небо расцветилось причудливыми фигурами — грандиозное и захватывающее зрелище отразилось в глазах Цзююэ, ослепляя своей красотой.

Такой масштабный праздник фейерверков заставил людей выглядывать из окон и выходить из домов, чтобы вместе восхититься этим представлением. Цзююэ видела фейерверк впервые и была настолько потрясена, что лишилась дара речи. Она повернула голову к Чу Цююню и встретилась с его мягким, любящим взглядом. Она не знала, что на свете может быть что-то прекраснее этих огней в небе.

Но Чу Цююнь смотрел не на фейерверк. Цзююэ подалась вперед, и они слились в поцелуе под яркими вспышками, которые то освещали их, то словно стыдливо прятали в ночной тени. Когда долгий поцелуй закончился, Цзююэ уже незаметно для себя лежала на холодной черепице,

которая слегка впивалась в спину.

Чу Цююнь приподнялся, отстранившись. Цзююэ смотрела на него полуприкрытыми влажными глазами, её алые губы были слегка приоткрыты, она часто дышала, а щеки пылали румянцем — словно в небесах распускались красные цветы. Она выглядела охваченной страстью. И он был точно таким же.

— Мне, возможно, придется уехать в другую провинцию на несколько дней. Если что-то случится, иди в резиденцию князя Чжао, там ты можешь распоряжаться всем, чем захочешь, — сказал Чу Цююнь, поправляя пряди волос на лбу девушки.

— Куда ты едешь? Я тоже хочу с тобой! — Цзююэ приподнялась, взволнованно глядя на него.

— Я еду не развлекаться, там слишком опасно. Если всё пройдет гладко, когда я вернусь, мы сможем пожениться. Тогда я буду сопровождать тебя везде, куда бы ты ни захотела, хорошо? А эти дни води себя послушно.

Чу Цююнь успокаивающе поцеловал её надутые губки, но на её просьбу не ответил. Цзююэ приуныла: она знала, что без мастерства легких шагов будет лишь обузой для Цюю, поэтому, проявив благоразумие, больше не просила.

— Я нашел для тебя несколько книг. Когда ты их дочитаешь, я вернусь.

Это были последние слова, сказанные им в ту ночь перед отъездом. В тот раз Чу Цююнь сделал редкое исключение и остался до утра, не отходя от Цзююэ, пока она не уснула. Когда наступил рассвет, Цзююэ открыла глаза, но в постели была одна — Чу Цююнь ушел еще до рассвета.

На столе и на полу было полно изысканных подарков, а у изголовья лежали те самые книги, о которых он говорил. С того дня Цзююэ почти не выходила из дома, целыми днями усердно училась у наставника и братьев, забывая об отдыхе и еде.

За дверью комнаты стояли её братья, отец и мать. Они с тревогой смотрели на запертую дверь, за которой скрывалась Цзююэ, и в их сердцах росло недовольство тем самым князем Чжао, ставшим причиной всех этих перемен.

Линь Ичжо вспомнил слова, сказанные Чу Цююнем перед уходом, и с тяжелым чувством посмотрел на дверь комнаты, где его сестра уже давно и безнадежно отдала свое сердце.